

DOI: 10.24411/2470-1262-2018-10008

УДК (UDC) 82-14

**Ye Sun,
Sun Yat-sen University,
Zhuhai, China**

***For citation: Sun Ye (2018), "Eugene Onegin" of A.S.Pushkin in China.
Cross-Cultural Studies: Education and Science. Vol.3, Issue I, pp. 80-88 (in USA)***

Received: February 10, 2018

CC BY 4.0

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» А.С. ПУШКИНА В КИТАЕ

"EUGENE ONEGIN" OF A.S. PUSHKIN IN CHINA

Abstract

Eugene Onegin is one of the most popular works of Russian literature among Chinese readers. The history of the translation of Eugene Onegin is closely connected with the China's social and cultural change for the last century. In different historical periods there are distinct characteristics of times and localization. At the beginning of the 20th century, Onegin was treated as a representative of advanced Western civilization; in 1930s and 1940s, it became a symbol of progressive Soviet culture; after the founding of PRC, the characters of the masterpiece were once a spiritual ideal for a generation of Chinese people. Since 1980, the study of this work has been increasingly open to diverse styles owing to the multiple reception of foreign literary theories. By observing the localization process of Onegin in China we can see the ideological search and independence of Chinese intellectuals in the past 100 years.

The article describes the translation process of Eugene Onegin since it was introduced to China 130 years ago and observes the development and transformation of Chinese scholars' research interests. An attempt is made to classify the study of Eugene Onegin over periods of time. The article emphasizes the change of Chinese perspective toward foreign literature and analyzes the social, cultural, political factors that influence this change.

Keywords: Eugene Onegin, A.S. Pushkin, China, translation, study, interpretation, poetic, perspective, development, different

Введение

Прошло более 130-лет, когда впервые произведения А.С. Пушкина были переведены на китайский язык и с тех пор произведения великого русского писателя вызывают

неисчерпаемый интерес и приобретают все больше и больше известность и любовь среди китайского народа. В разных исторических условиях имидж А.С. Пушкина и его творчества представлялся китайской аудитории по-разному. Среди всех работ Пушкина особенно следует выделить роман в стихах «Евгений Онегин», который в силу своей жанровой особенности, характеристик персонажей и духовной ценности не раз привлекал к себе внимание читателей, переводчиков и исследователей в первую очередь. Актуальным будет изучение истории перевода и развития изучения данного произведения в научных кругах.

1. История перевода и восприятия «Евгения Онегина» А.С. Пушкина в Китае

1.1. Первое знакомство с «Евгением Онегиным»

С «Евгением Онегиным» в Китае начали знакомиться в 1897 году в официальном журнале «Шиу Бао» («Дух времени»), где цитировали довольно отрицательные заметки японца о Евгении Онегине: «Высокомерен и склонен к значительным теориям, слаб в действиях» (Chen Jianhua, P.20). До 1908 года в статье «Мо Луо Ши Ли Шуо» («О западной романтике поэзии») Лу Синь под псевдонимом «Линь Фэй» впервые назвал Онегина героем и рассмотрел его как байронского нравственного борца за свободу. Позже отношение китайской интеллигенции к Онегиным опять изменилось, приняв понятие «лишний человек» с русской истории литературы. В «Истории русской литературы» (Цюй Цюбай, 1921-1922), разделяясь с понятием «лишний человек», автор наметил в Онегине больше негативного значения чем положительное. Он видит в нём кавалера и эгоиста. Такое убеждение долго существовало в Китае и оказало значительное влияние на последующее поколение.

1.2. Три версии перевода «Евгения Онегина» в первой половине XX века

Более широкое знакомство с Пушкиным и «Евгением Онегиным» в Китае происходит в 30-е годы, когда пробуждается левое литературное движение. Примером литературных кругов служила русская литература и А.С. Пушкин как основоположник русской литературы, разумеется, находился в центре внимания. За 20 лет, А.С. Пушкину были посвящены три торжественных мероприятия – 100-летие со дня смерти поэта (1937 г.), 110-летие со дня смерти поэта (1947 г.) и 150-летие со дня рождения поэта (1949 г.). Под таким пафосом начали появляться китайские переводы произведений великого поэта, и «Евгения Онегина» в том числе.

Первая попытка целиком перевести этот роман на китайский язык была сделана Су Фу в 1942 году (Su Fu). Судя по комментариям, перевод делался с некрасовского текста на эсперанто, вышедшего в Москве в 1931 году. В переводе также видно обращение переводчика к японскому переводу. Об этом свидетельствуют ошибки, существующие и в одном японском переводе и совпадающие названия некоторых глав с этим переводом. На самом деле, до Су Фу роман уже был частично переведён разными людьми и стал известен в китайской аудитории. Однако по сравнению с Пушкинскими другими произведениями как «К Чадаеву», «Во глубине сибирских руд...» и «Вольность», где политические намёки ясны и определены, «Евгений Онегин» не совсем удовлетворял требование общественной жизни и оказался немного чужд духу времени.

По неофициальным данным, до образования КНР (1949 года) насчитывается более 100 статей по изучению А.С. Пушкина, а среди них редко встречается тема по «Евгению Онегину». Это во многом объясняется пессимистичностью и беззаботностью героя. Онегина в то время воспринимали как «избалованного дворянского молодого человека, не имеющего смелости критиковать самого себя» (Bing Lin, p.102-103), как «поклонника западной цивилизации», описывали как «пародийную личность и комический портрет западной цивилизации, лишившись трагедийности» (Bai Mu). Мотивом его равнодушного поведения считали желание следовать за новым веянием светского общества.

В 1944 году вышел в свет первый китайский перевод «Евгения Онегина», осуществленный Люй Инем с русского оригинала. В этом переводе Люй Инь обратился к «Полному собранию сочинений А.С. Пушкина» (А.С. Суворина, 1887г.) и «Полному собранию сочинений А.С. Пушкина» (Академия наук СССР, 1937г.), добавил «Отрывки из путешествия» и десятую главу, тогда как перевод Су Фу кончается на восьмой главе. В приложение перевода включены две части: «Заметки Пушкина о «Евгений Онегине»» и «история создания «Евгения Онегина»». Более того, в данном переводе намечается немало примечаний переводчика. Всё это обеспечивает читателей более качественным переводом и более глубоким познанием великого романа.

В 1954 году в КНР появился в печати новый перевод, выполненный Чжа Лянчжэном. По воспоминаниям переводчика, роман перевёл с русского оригинала. Для улучшения перевода Чжа сверял свой перевод с английским переводом Бабетта Дойча и немецким переводом Theodor Comnichau. К добавлению он перевёл знаменитую статью А. Слонимского «Евгений Онегин». Перевод Чжа был точным и поэтичным, что сразу завоевал массу любителей работы. Данную версию перевода много одобряли специалисты по русскому языку. К примеру, Чжоу Йюлян говорит, что «речь перевода была такая искренняя и складная, что при чтении даже не чувствуется, что это перевод» (Zhou Yuliang, p.311-312). Дянь Пинь считает, что перевод Чжа полон поэтической страсти и больше всех предшественников приблизился к русскоязычному оригиналу. Чжа не соблюдал рифму оригинала, а творил своеобразную рифму в соответствии с китайским языковым принципом. В послесловии Чжа пишет, что в ходе перевода им овладело и переживание за правдивость текста и творческая радость. Версия Чжа отличается авторской личностью и художественностью, поэтому по сей день является одной из наиболее распространенных среди китайскоязычной аудитории.

1.3. Судьба «Онегина» в 50-80 годы 20 века

С конца 50-х годов наступила «Большая чистка», что на самом деле нанесла уничтожение культуре. Многие переводчики-интеллигенты подвергались политическим преследованиям. В 1955 году Люй Инь был изолирован и назван «контрреволюционером», а Чжа заставили пройти «идеологическое и трудовое перевоспитание». Одно из возведенных на него обвинение было именно «перевести «Евгений Онегин»». Несмотря на трудные условия, Чжа продолжал работать над своим переводом, переделав текст с сохранением знаменитой «онегинской строфы». Однако переводческая работа прекратилась на четвёртой главе из-за

инфаркта миокарда. Пострадали и другие переводчики, которые любили А.С. Пушкина и пытались его перевести. Вслед за «Большой очисткой» пришла «Культурная революция». В течение десяти лет «смуты» все произведения иностранной литературы считались «запрещенными книгами», а «Евгений Онегин» продолжал оставаться у читателей в глубине души и служил для них моральной поддержкой. По словам современников, в те мрачные дни «Онегин» открыл им чистый художественный мир и утешал страдающие души. Для читателей того поколения, образ А.С. Пушкина оставался не только как незаурядный мастер литературного слова, но и как духовная опора и знаковая фигура, с которой ассоциируют историческую память тех времён.

1.4. Новый период процветания «Евгений Онегина» в Китае

В 1978 году после длительного перерыва в Китае начали вести «политику открытости мира», благодаря чему возобновилась и деятельность по переводу и изучению зарубежных классик. «Евгений Онегин», в свою очередь, стал набирать больше «поклонников» чем раньше. На протяжении 30 с лишним лет над «Онегиным» трудились более 10 переводчиков. Каждый новый перевод стремился превзойти предыдущие. Передать на китайском языке мелодику, ритмику и рифму – это была общая трудность перед переводчиками.

Первым появился перевод Ван Шисе (1982г.). Автор стремился к максимальному подобию оригинала. Текст был оформлен по 14 строкам с определённым ритмом и чередованием рифм. Ван специально подобрал простые и торжественные слова, чтоб воспроизводить языковую прелесть Пушкина.

Более всех удается Чжилян (1985г.), одному из лучших китайских переводчиков и специалистов по Пушкиноведению. Чжилян занимался Онегинским переводом ещё с 50-х годов, а опубликовать свою работу ему удалось лишь в 1982 году. Чтобы подражать четырехстопному ямбу онегинской строфы, Чжилян создал четыре пауза семантических групп в каждой строке, а отдельное китайское словосочетание в замену слога. Таким образом, он уместно сохранил структуру онегинской строфы, не убивая дух поэмы.

Стоит и отметить версию Диань Пини (2004г.), в которой представляется современный разговорный перевод.

Кроме вышеуказанных работ, выпускались также варианты Фэн Чуня, Тинь Лу, Гу Иуньпу, Тиань Гуопини и других квалифицированных русистов.

2. Научные исследования произведения «Евгений Онегин» в Китае

По мере развития переводческой работы «Онегина», тема «изучение «Евгения Онегина»» становится всё значительна в китайских научных кругах, что подтверждает огромное количество исследований критиков и литературоведов, посвященных форме, жанру романа в стихах, сущности замысла и его воплощению, идейной, эстетической, нравственной и философской проблематике романа. Однако, в Китае, как в России, оценка и отзыв об этом шедевре далеко не однозначен во всю свою историю. В процессе интерпретации важную роль играла и играет общественная атмосфера. В этой части мы

коснемся лишь основных направлений в осмыслении романа и работ, в которых с наибольшей определенностью отражена история его оценки и изучения, а также выражены различные тенденции в разработке связанных с ним проблем.

2.1. Тенденция политизации и социологизации до 80-х годов

Как упоминалось выше, под воздействием политических обстановок 30-х годов китайская критика в начале не совсем поняла роль и значение Онегина и учитывала только классовый характер героя, рассматривая его как характерный тип героя, бесполезного обществу. Дворянское происхождение так увеличивалось, что чуть не стало единственным обвинением в отрицании героя. Китай в то время находился в состоянии внутренних и внешних неурядиц. Народу необходима литература, вдохновляющая на сопротивление классовым врагам и зарубежным захватчикам. В таком случае, чтобы отвечать на политический призыв, полагались, что образ Онегина, специально созданный Пушкиным-революционером и певцом свободы, был рассчитан на суждение и критику светской жизни.

К 50-60 годам, критерием оценки писателя стал «народность» и «национальность», что совпадает с советским изменением. По сравнению с понятием «революционность» и «классовость», новый критерий имеет меньшую тенденцию политизации. В новой интерпретации Пушкин приобрел название «народные поэта», а Онегин избавился от дворянского «греха» и вошел в народ. Для обоснования народности Онегина, Синь Вэйай анализировал реалистическое значение в «Евгении Онегине» и пришел к выводу, что «народ представляет собой решающую роль в поэзии Пушкина» (Xin Weiai). В этом смысле, Онегин тоже считался членом народа.

Наряду с существенной критикой на «Онегина» с идеологической окраской, возникло также научное изучение по «Онегину». Такие работы, опираясь на научные методы, отличаются диалектичностью и беспристрастностью. В них главным образом обсуждается тип «лишнего человека». Представителем такого типа исследования является статья Куан Сина на тему «Онегин как тип лишнего человека» (1962г.). В этой статье представлены разные взгляды из русской и советской критики. Анализируя творческую историю произведения и особенности той эпохи, исследуя окружающую среду Онегина и его образ жизни, автор высказывается о типичности характера Онегина в отношении к «лишнему человеку». Подобное мнение выражает и Лу Фань, кто написал статью «О образе Онегина как «лишнего человека»» (1962г.). Цель этой статьи – отвергать мнение о том, что Онегин был декабристом и очертить его как «лишнего человека». Очевидно, что данная традиция вытекает из отмеченного выше Цюй Цюбая, кто первым ввёл понятие «лишний человек» в китайское сознание в написанной им «Истории русской литературы» (1921-1922).

2.2. Спор о «лишнем человеке» в 80-ые годы

В благоприятных политических условиях 80-х годов китайское исследование «Евгения Онегина» вступило в новый этап. Свободная и активная атмосфера способствовала быстрому внедрению зарубежных новых литературных идеи и расширению интереса в изучении литературы. Раскрыли «тёмные» стороны личности Пушкина, подняли такие

вопросы, о каких побоялись упомянуть раньше. К примеру, критиковали поэзию, восславляющую царя за экспансию и подавление польского национального восстания; выявляли колебания поэта в сопротивлении тираническому правлению и его сложные отношения к крестьянским восстаниям; обсуждали славянский шовинизм в поздних работах А.С. Пушкина. Перед читателями раскрывается новый облик знаменитого русского поэта с яркой личностью и живым переживанием.

Что касается произведения «Евгений Онегин», то настало время для всестороннего чтения, обсуждения и толкования в полном смысле. Одним из первых событий в новый период явилась полемика вокруг вопроса «Есть ли Евгений Онегин «лишний человек»» в 80-ы годы.

В 1981 году Лу Джаочуань первым поставил вопрос о «двойственном характером» Онегина. По его мнению, Онегин одновременно сочетает в себе характеристику передовой дворянской молодёжи с нравом «лишнего человека», чем объясняется сосуществование критического отношения к реализму и отчуждения от народа. В отличие от Лу, Бо Тао категорически отрицал определение Онегина как «лишнего человека», цитируя отрывки из романа для оправдания невинности Онегина. Он полагает, что нельзя игнорировать ещё то, что Онегин иногда ведёт себя как хозяйственный новатор, дальновидный мыслитель, экономист и верный поклонник Татьяны. В то же время автор в конце не видим никакого ответа на утверждение личности Онегина, оставив идентификацию героя под вопрос.

Интересны две открытые дискуссии в конце 80-х годов. Первую дискуссию вели Ван Бичэн и Лю Пинь. В 1985 году Ван опубликовал статью под названием «о любовной трагедии Татьяны». На основании формулировки Белинского о Татьяне как о «русской душе», Ван глубоко анализировал любовную психологию героини. С целью создания эффекта контраста, Ван с одной стороны, высоко оценил нравственную красоту Татьяны, с другой стороны, унизил Онегина и относился к нему с предрассудком. Такой подход вызвал несогласие от Лю Пини. Два года спустя, Лю написал статью «О двойственном характере Онегина – для обсуждения с Ван Бичэном» (1987г.). Полемизуя с Ваном Биченом, Лю отмечал, что изучение Онегина должно быть диалектично и динамично, а метод изучения Вана он охарактеризовал и отнёс к вульгарной социологии. Лю заявляет, что противоположные элементы характера Онегина не существуют сами по себе. Они дифференцируются, сопротивляются друг другу и объединяются. На основе такого процесса формируется загадочная личность Онегина и в то же время моральная, так как Онегин нашел в себе силы и отказался в любви Татьяны, которой еще было от роду 13 лет. Лю был уверен, что Онегин всегда любил и ценил Таню. Чтобы защищать её от повреждения демона, в смысле от самого себя Онегина, он решил жертвовать свою любовь и душу.

Следующая полемика концентрировалась на соответствии «лишнего человека» с Онегиным. Лю Фэнгуан предлагал назвать Онегина «средним человеком» в замену «лишнему человеку» (1986г.). Лю обращает внимание и указывает на бессилие Онегина в понятии «лишний человек», что не совпадает с реальным поведением Онегина в романе. Под «средним человеком» подразумевается некое лицо между положительным и

отрицательным, активным и пассивным. Лю сводит такое жизненное состояние к душевной пустоте, в чём и заключается неисчерпаемый источник образа «Онегина» для всего человечества. В ответ на Лю возражал Ли Сяньян, настаивающий на употреблении «лишнего человека». Ли подробно излагал значение понятия «лишний человек» и упрекал Лю в легкомыслии о данном понятии. А в «среднем человеке», выдвинутом позиции Лю, он видит опасность упрощения литературного персонажа (Li Xiangyang, 1989).

Начиная с 80-х годов анализ образа и характера Онегина рассматривается как положительный образ, идет процесс переосмысления человечности данного героя. Тенденция политизации и социализации значительна ощутима, на первый план появляется нравственное и философское обсуждение.

2.3. Интерпретация разных направлений в последние годы

Продуктивным этапом в исследовании «Евгения Онегина» стали многочисленные исследования в последние 30 лет. За это время китайских исследователей начинает интересовать произведения с разными социальными и политическими направлениями. Если старые китайские русисты в основном ориентировались на работы таких известных русских критиков как Белинского, Добролюбов и Чернышевского, то новые китайские коллеги уделяют внимание преимущественно работам Л.Гроссмана, Ю.Лотмана, В. Набокова, Н.Шанского и др. Помимо русистов, в пушкинистике принимали участие и специалисты из других отраслей науки. «Евгением Онегиным» интересовались научные сотрудники по китайской литературе, западной литературе, философии, социологии и др. дисциплин. Столкновение различных точек зрения в освещении замысла, образов, языковой стилистики, жанровой особенности, философской и нравственной черты дало возможность пересечения и соединения разных идеи, что стимулирует быстрое развитие пушкинистики в современном Китае.

Дэн Дзянчжон внёс свой вклад в пушкинистику, подняв масштабную проблему о «смерти» и выразив мысль о том, что основная противоположность этого романа - это жизнь и смерть. («Мышление о смерти в «Евгении Онегине»»). С учётом мнений русского философа А. Хомяков и Исаяи Берлина, на основе осмыслении романа автор пытается изучить истину русской души, заявляя, что в романе воплотилась русская мечта об образе русского человека. Встает философский вопрос, который становится вечным и спорным для заблуждающихся русских: «где искать очаг русской души, каков русский человек?» (Deng Jianzhong, 2002)

Суждение о «Евгении Онегине» как семиотический феномен высказывает Кан Чэн. Ссылаясь на научную работу «Евгений Онегин» Ю. Лотмана, Кан Чэн разрабатывает вопрос о художественной конструкции романа и отмечает преимущественный характер исследования Ю. Лотмана перед формальной школой и социально-историческим критическим направлением. (Kang Cheng, 2002)

Немаловажное место занимают исследования по переводческому качеству. Это считается продолжением перевода и руководством для перевода. В своей работе Ван Дзясин

сопоставил разные варианты перевода одного русского слова, призывая современных переводчиков быть внимательными при переводе отдельных архаизмов. (Wang Jiaying, 1999)

В целом, новое исследование отмечено следующими направлениями: этической интерпретацией романа (об отношении добра и зла, разума и инстинкта, жизни и смерти, любви и брака и т.д.), феминистической интерпретацией образа Татьяны, художественным анализом (с точки зрения стилистики, образа рассказчика, конструктивной функции персонажа, теории семиотики Ролана Барта и поэтики композиции Б. Успенского, теории «разноречия» М. Бахтина и т.д.), разработкой перевода (о семантическом изменении некоторых архаизмов и различении их в процессе перевода «Онегина»; о переводческом методе передачи метрики зарубежной поэзии и т.п.) и литературной компаративистикой (в сопоставлении героев «Онегина» с героями из «Сна в красном тереме»).

Заключение

Таким образом, каждая эпоха «высветила» в романе наиболее близкие ей уровни, что и отразилось на этапах перевода и научного изучения. Как показывает наше исследование, «Евгений Онегин» сопровождал китайских читателей примерно пяти поколений – с первого веяния русской литературы, пришедший в старый Китай в начале XX века до сегодняшнего дня, когда русская литература китайцам не только знакома, но и символизирует некую давнюю склонность к русской идее. Вместе с тем, интерпретация этого произведения не остаётся неизменным. В процессе исследования переводческой работы разных писателей влияют такие аспекты как нравы, традиции, склонность к определенному поведению, так и политическая сфера, личная склонность и симпатия, а также качество перевода. В этом смысле, изучение русской литературы в иноязычной аудитории является, с одной стороны, результатом наблюдения мирового влияния русской литературы, на иностранную, с другой стороны, показателем динамического развития культурного общения между двумя народами.

References:

1. Chen Jianhua. *Ershi Shiji Zhong'e Wenxue Guanxi (Literary Relationship between China and Russia in 20th Century)*. Shanghai: Xue Lin Press, 1998, p.
2. Bai Mu. "After reading «Eugene Onegin»", *Soviet and Russia review*, 11.2, 1937.
3. Bing Lin. "«Eugene Onegin» and «A hero of Our time»", *Hope*, 1.1, 1945.
4. Zhou Yuliang. *Poem of Mu Dan and his poem translation*. Beijing: Intellectual property publishing house, 2012.
5. Xin Weiai. "Pushkin will always be with us", *Liberation daily*, 1954.6.6.
6. Kuang xin. "Onegin as a typical of 'The superfluous man'", *Journal of Beijing Normal University*, No.2, 1962.
7. Lu Fan. "On the image of Onegin as a superfluous man", *Literary, history and philosophy*, No.3, 1962.
8. Lu Zhaoquan. "On the Duality of Onegin's Image", *Journal of Hangzhou normal University*, No.2, 1981.
9. Bo Tao. "Is Eugene Onegin a superfluous man", *Foreign language teaching*, 1982.7.

10. Wang Bicheng. "On the love tragedy of Tatiana", *Foreign Literature Appreciation*, No.2, 1985.
11. Liu Ping. "On the Dualism of Onegin's Character: A Consult with Wang Bicheng", *Foreign Literature Studies*, No.2, 1987.
12. Qu Qiubai. *The history of Russian literature and others*, Shanghai: Fudan UP, 2004.
13. Liu Fengguang. "Onegin is not a superfluous man, but a middle man", *Qilu Academic Journal*, No.2, 1986.
14. Li Xiangyang. "a middle man or a superfluous man – A Consult with Liu Fengguang about Onegin's image", *Journal of Lishui normal training College*, No4, 1989.
15. Deng Jianzhong. "The thinking on death in «Eugene Onegin»", *Russian Literature and Art*, 2002, 6.
16. Wang Jiaying. "Semantic Ancient words: Noticeable problems in the Translation of Russian Classic Literature – taking the Chinese translation of «Eugene Onegin» as an example", *Foreign Language Research*, No.3, 1999.
17. Kang Cheng. "An analysis on Lotman's study of «Eugene Onegin»", *Foreign Literature Research*, No.4, 2002.
18. A.S.Pushkin. *Eugene Onegin*, Translated by Wang Shixie, Harbing: Heilongjiang people's Press, 1981.
19. A.S.Pushkin. *Eugene Onegin*, Translated by Zhiliang, Beijing: People's Literature Press, 1985.
20. A.S.Pushkin. *Eugene Onegin*, Translated by Zha Liangzheng, Shanghai: Pingming Press, 1954.
21. A.S.Pushkin. *Eugene Onegin*, Translated by Zha Liangzheng, Chengdu: Sichuan people's Press, 1983.
22. A.S.Pushkin. *Eugene Onegin*, Translated by Jian Ping, Zhengzhou: Henan people's Press, 2004.

Information about the author:

Sun Ye (Zhu Hai, China) - Doctor of Philology, Associate Research Fellow of Sun Yat-sen University, verasun1204@mail.ru. Address: No.135, Xingang Xi Road, Guangzhou, 510275, P. R. China.

Published works:

1. Sun Ye, *on the symbiotic relationship between Literature and Culture from the study of Bakhtin's Carnivalism*, 2015 National doctoral Forum on Literature, Beijing: China Social Sciences Press, 2016.12. (In Chinese)
2. Sun Ye, *A preliminary Study of Yury Tynyanov's Theory of Parody*, *Journal of Graduate School of Chinese Academy of Social Sciences*, 2017, No.1, P89-95. (In Chinese)
3. Sun Ye, *Dynamics of the acceptance of literary texts by Gogol in the Chinese readership*, *The third international scientific and practical forum "Languages, Culture and Translations"*, Moscow: Moscow University Press, 2015, P 247-255. (in Russian)